

СИМФОНИЯ СУДЬБЫ

Юрганов Олег

1. Бегство, ставшее спасением

Профессор, доктор философии Камилла Кольчинская... С 1994 года и по сей день она – музыкальный директор и главный дирижёр Эль-Камино молодёжного

симфонического оркестра в Калифорнии. Я узнал о ней от её сестры Татьяны Кольчинской, которая однажды поделилась своим опытом поисков родни, эмигрировавшей в США из России на заре двадцатого века. Недавно Камилла приехала в Балтимор, и мы познакомились воочию...

То, что я узнал о Камилле, вызвало у меня живейший интерес! Слушал Камиллу и её сестру со смешанным чувством восхищения, негодования и... беспокойства. Восхищения, потому что Камилла прошла, как говорится, сквозь огонь, воду и медные трубы в бывшем СССР, но дирижёром все-таки стала. Да еще и каким! Середина семидесятых и восьмидесятые годы её имя было на слуху всей музыкальной Европы. Негодовал я от того, что и Камилла, и вся семья Кольчинских, включая, разумеется, Татьяну, её ныне покойного мужа, загубленного стараниями КГБ, пережили

жуткие антисемитские пакости, на которые всю её историю так горазда была Советская власть. А вот тревога за Камиллу иногда одолевает и до сих пор потому что работает она в таком темпе и столь неугомонно, что дай ей Б-г силы, которые, как оказалось, она совсем не может соизмерять со своими возможностями. Такой вот – трудоголик...

...О Камилле рассказать я надумал еще до нашего знакомства. У Тани, которая взяла на себя роль семейного архивариуса, множество уникальных материалов и о семье Кольчинских и о судьбе-биографии Камиллы, однако я всерьез тревожился, смогу ли охватить тот размах значительности судьбы человека – замечательного музыканта и дирижёра современности, чтобы не ограничиваться только историей бытия этой персоны с очень яркой и необычной судьбой.

У каждого журналиста свой стиль восприятия персонажа очерка, я, например, склонен осмысливать личность сквозь множество призм: исторической, нравственной, бытовой, профессиональной. Моя главная задача – разобраться в содержательной значительности человека, а это далеко непросто! Значительность личности чаще всего представляется по её же собственным критериям. Есть, конечно, некие универсальные признаки значительности человека, пропитанные мудростью столетий, ставшие в истории нравственности и культуры духовными ориентирами для новых поколений. Однако объявлять эти признаки я не буду – всё равно субъективности мне не избежать! Просто признаюсь, что я испытываю особую притягательность личности, которая, едва ли не с молодых ногтей, возрадив в

своей душе, убеждения, направляет энергию дарованной ей жизни на воплощение своих идеалов, представляя современникам, а нередко и новым поколениям плоды своей судьбы. Такие люди оставляют в истории цивилизаций след, если хотите – знак, из которого и произрастает в памяти современников реальная, а порой и в самом деле масштабная значительность их жизни.

Среди нас немало тех, кто может продемонстрировать свою значительность. Авторские свидетельства на изобретения, ордена, Почётные Грамоты, полученные за службу – гражданскую или военную. Это – свидетельство персональной значительности наших сограждан и сверстников. Хранятся они бережно в семейных архивах, являясь плодами интеллектуальных и творческих усилий всей их жизни.

Очень весома значительность тех наших соотечественников, чья профессиональная судьба, начавшись «там», успешно продолжается здесь, в США и страна, которой они служат сегодня, не только не препятствует свободе их самосознания, но и заинтересована в их творческом самовыражении! Камилла Кольчинская сегодня в ряду именно таких новых американцев. Не счесть творческих судеб загубленных в СССР только потому, что самовыражение было тотально подцензурно! Иммигрантам из числа старшего поколения хорошо это известно...

Однако вернусь к судьбе Камиллы... Осмысливая её жизненный путь, читаю о ней десятки восторженных отзывов музыкальных критиков Европы и Америки. Смотрю, слушаю,

множество дисков и кассет, на которые записаны концерты классической музыки, исполняемой под её управлением известнейшими симфоническими оркестрами государств мира. Невольно переношусь в концертные залы Норвегии, Швеции, Австрии, Германии, Израиля, Бельгии, США. Знакомлюсь с оценками её творчества таких маститых музыкантов, как В. Ашкенази, Л. Бернштейн, М. Рахманинов и других. Читаю её краткие автобиографические заметки. Возникает абсолютная убежденность: музыка – всевластная смысловая наполненность её судьбы дирижёра.

Возможно звучит это банально. Но у этого моего «открытия» есть предыстория: личное видение профессиональной философии множества музыкантов, волею судеб надолго или вовсе случайно оказавшихся в поле моего зрения. И для них повседневность – музыка, профессия – музыкант, однако – не более чем ремесло! Я вовсе не пытаюсь принизить роль музыкального ремесленника. Как говорится: каждому – своё, и для таких найдется место в жизни. Но вот что интересно: совсем недавно, осмысливая материал для статьи о Камилле Коэльо, наткнулся я на эпизод, ярко высветивший мне реальную, а не надуманную разницу между ремеслом музыканта и музыкальной культурой профессионала.

...В июне 1988 года российский дирижёр Геннадий Рождественский решительно разорвал контракт с импресарио в Венеции, не задумываясь, уплатив крупную неустойку. Выдающийся дирижёр современности отказался выступать с концертами в одном из старинных культурных центров Европы, когда увидел на первой же репетиции 9 симфонии

Бетховена, как арфистка венецианского филармонического оркестра что-то вязала, безучастно дожидаясь при звучании оркестра, своей «очереди» – партии арфы...

...Обратившись к судьбе женщины-дирижёра с мировым именем, я вынужден признаться, что систематическим музыкальным образованием – похвалиться не могу. Моя эрудиция в музыкальной культуре никак не может конкурировать с профессионалами. Иначе говоря, в музыке я – дилетант. Слушать классику, так сказать, «воочию», в концертных залах, более или менее систематически, я начал с 12 лет. Тогда же, впервые, я увидел и сам акт дирижирования симфоническим оркестром.

Происходило это в непосредственной близости от дирижёрского пульта и большого симфонического оркестра. Помню, – дирижирование представилось мне неким атрибутом магии, «сеанс» которой был тесно связан с эмоциями и чувствами человека, слушавшего музыку. Чувствами не моими – сидящей рядом со мной старой женщиной – моей бабушкой, испытывавшей к пожилому дирижёру, с внешностью восточного аскета, искреннюю, но абсолютно безответную привязанность.

Два осенних сезона Бакинской филармонии в – пятьдесят первом и пятьдесят втором годах бабушка брала меня, искалеченного туберкулёзом костей, едва умевшего передвигаться с помощью костылей, на концерты классической музыки Азербайджанского Государственного симфонического оркестра. Очень нескоро я узнал, что эти

посещения Филармонии, объясняемые бабушкой моим родителям и любопытствующим соседям, необходимостью музыкального просвещения внука, были только «прикрытием» её желания, как можно чаще видеть... дирижёра симфонического оркестра! Усаживаясь со мной в первом ряду просторного, но едва заполненного зала, она замирала, устремив взгляд к дирижёрскому подиуму, на который, при медленно гаснувшей люстре, вскакивал худой, с лицом Касея, «колдун» – Ниязи Тагизаде Гаджибеков.

Обняв костыли, приготовившись к встрече с классической музыкой, которая изрядно изматывала мою неокрепшую душу, уставая от растворения в фигуре дирижёра, облаченного в черный смокинг, непрерывно повторяя за ним (разумеется, про то совсем не ведая) движения его спины, головы, плеч, рук, пальцев, вплетаемые им уверенно и властно в плотную ткань музыки, звучащей совсем близко, рядом со мной, я, в полном изнеможении, возвращался с бабушкой домой...

Когда, уже в зрелости, я понял, что за роль мне довелось исполнять, сидя рядом с пожилой, аккуратно одетой и по-своему красивой женщиной, мне она уже не казалась тягостной и нелепой. И всё же невольная моя обязанность спутника при пожилой, старомодно одетой дамы была тогда настоящим испытанием. Но, кажется, я понял главное: сам я, и звучащая музыка, даже дирижёр (вовсе об этом не подозревая!) СЛУЖИЛИ чувствам женщины, свидетельствуя поклонение моей бабушкой неугомному демону, который властно и сурово лепил невидимую, беспрестанно звучащую скульптуру своими большими широкими ладонями, с нервно

танцующими пальцами, заполняя ею каждую меру пространства филармонического зала.

Не потому ли до сих пор живы в моём воображении три «грации»: хищный изгиб черной спины Ниязова с угрожающе вздёрнутыми над оркестрантами руками, обе бабушкины ладони, с подагрически припухшими суставами пальцев, обнявшими её щеки, по которым текут слёзы умиления и я, прижав до боли, к груди, маленькие деревянные костыли, на седловины которых опиралась острым подбородком моя голова с большими оттопыренными ушами...

...Не знаю, будет ли мне простительна после этих признаний дерзость заняться еще и «магией» слов? В поисках смыслового эпиграфа, а точнее, идеи личности Камиллы Кольчинской, я соединил два слова, суть которых неудержимо устремляется друг к другу: «симфония судьбы». Эти слова сплавлены в единство, а в нём отражена вся её жизнь вплоть до нынешних дней. Почему мне так показалось?

Греческое слово «симфония» означает «созвучие», подвластное строгим законам гармонии, а «судьба» – по логике той же греческой мифологии – «предопределенность».

В душе человека, уже на заре жизни, пробуждаются множество интересов и желаний. К молодости они порождают вихри страстей, наполняя сердце бурями эмоций. Если возникает созвучие этих страстей и личность способна подчинить их предназначению жизни, которое уже ощущает, тогда и складывается та самая внутренняя гармония, которую

я назвал – симфонией души... Уверен – Камилла Кольчинская, опытом своей жизни, а главное её значительностью, подтверждает эту философию смыслов.

Вот, что она рассказывает о себе: «...Родилась я 25 декабря 1937 года в Москве... Начала обучение игре на скрипке в музыкальной школе сестер Гнесиных, продолжив обучение в знаменитом учебном заведении столицы СССР, открытом специально для одарённых детей. Потом окончила Московскую Консерваторию сразу по двум специальностям: «первая скрипка» (оркестровый факультет), где я получила серьезные навыки игры в симфоническом оркестре. Вторая специальность была получена одновременно с первой на теоретико-композиторском факультете, что позволило получить разносторонние знания о музыке и прийти к убеждению, что дирижирование – это моё! Мечта стала неодолимой, особенно, когда я посмотрела фильм «Прелюдия славы». Однако попытка получить дирижёрское образование в Московской Консерватории, после успешного окончания двух его факультетов, не увенчалась успехом. В среде преподавателей, во всех отношениях замечательных и глубоко эрудированных, от которых я многое почерпнула и была им бесконечно благодарна, царил стереотип: женщина-дирижёр – нелепость! Решилась ехать в Ленинград, чтобы попытаться там поступить на дирижёрский факультет Ленинградской Консерватории. Конкурс был просто ужасающим! 70-75 человек на 2-3 места! Но и тамошняя профессура тоже «косо» смотрела на женщину, претендующую обрести профессию дирижёра!».

Итак, волшебным хрустальным шаром, в котором высветилась будущая профессиональная судьба Камиллы Кольчинской, оказался, упомянутый ею фильм пятидесятых годов двадцатого века – «Прелюдия славы». В далёком отрочестве и я посмотрел этот фильм. Теперь, услышав от всемирно известного музыканта фразу: «...этот фильм сильно «подогрел» моё стремление стать дирижёром...» и, задумав статью о Камилле, этот фильм я посмотрел еще раз, чтобы вспомнить детали.

Киноповесть об отрочестве французского дирижёра Роберто Бенци, была и в самом деле полна эмоционального потрясения, которое вовсе не случайно разбудило в душе Камиллы окончательный выбор – дирижирование!

Между тем, сам Роберто Бенци, сыграв в фильме «Прелюдия славы» себя – мальчишку под «киношным» именем Роберто Луиджи, разумеется, даже не подозревал, что хрупкая еврейская девушка из далёкой России (мэтры дирижирования упорно убеждали оставить эту затею: «деточка, тебя же сдует с подиума при звуках валторны»), посмотрев историю, положенную в основу киносюжета, решится бросить дерзкий вызов не только закостеневшим стереотипам, но и могущественной политической системе, которая встала на её пути уродливой идеологией и агрессивной мощью, заряженной злобным государственным антисемитизмом.

Забегая вперед, замечу, что много лет спустя, Камилла будет дирижировать исполнением той же симфонической – поэмой Ф.Листа «Прелюды», которая прозвучала в фильме,

исполняемая симфоническим оркестром под управлением десятилетнего вундеркинда Роберто Бенци.

Случилось это в начале семидесятых годов, в московском Парке Культуры имени А.Горького, где на большой сценической площадке, разместился Государственный симфонический оркестр Союза ССР, а на подиуме возвышалась над оркестрантами, женщина-дири

жёр Камилла Кольчинская. Она – в самом расцвете женского обаяния и таланта. Её переполняла жажда работать в профессии, которая кажется уже подчинилась её воле. Но... В душе уже исподволь зрело решение оставить это государство, этот номенклатурный рай, пораженный неизлечимой болезнью, откуда уже бежали за кордон тысячи граждан, спасавших себя и своих детей, чтобы агонизирующая система не сгубила новые таланты, которым обещала в будущем только унылое прозябание.

Ключевой музыкальной фразой «Прелюд» Ф.Листа, исполняемой оркестром в миг, когда К. Кольчинская дирижировала им в московском Парке Горького, содержался

символический смысл, почерпнутый композитором из стихотворения «Прелюды» – французского поэта-романтика XIX века Альфонса Ламартина (1790-1869).

Сущность этой ключевой музыкальной фразы хранилась в словах поэта: «...лишь раздаётся боевой сигнал трубы, спешит он... на свой опасный пост, чтобы в битве вновь обрести всю полноту самосознания...». «Прелюды» Листа, – признаётся Камилла, – яркая картина человеческой жизни, суть которой замечательно раскрыл композитор: жизнь – с её взлётами и падениями, обретениями и потерями, преодолением препятствий и достижением вершин...».

Только за пределами СССР дирижёру-женщине, еврейке с двумя консерваторскими дипломами и тремя музыкальными профессиями, непрерывно маявшейся в поисках работы, достойной её профессионального самосознания, будут, наконец, рукоплескать переполненные концертные залы Израиля, стран Европы и Америки.

...Между тем, опыт и судьба дирижёра Роберто Бенци, фильм о котором «разбудил» звучание симфонии судьбы Камиллы Кольчинской, складывались мирно и без особых взлётов. Как говорится: «Мавр сделал свое дело...». Думаю, Роберто Бенци наверняка был бы рад услышать в свой адрес слова замечательного американского композитора и дирижёра Леонарда Бернстайна: «Она (Камилла Кольчинская – О.Ю.) имеет огромное влияние, реальную силу воздействия и настоящую музыкальность...» и выдающегося виолончелиста и дирижёра современности – Мстислава Ростроповича:

«Камилла Кольчинская не только обладает замечательной техникой, как дирижёр, но использует её, обнаруживая большой музыкальный талант».

...Но пока свобода была ещё далека, а острые грани жестокого времени уже реально угрожали оставить в духовной биографии К. Кольчинской глубокие шрамы. Четыре цифры года её рождения – 1937 – подобны паролю страшной эпохи, впечатанной сапогами диктатора в память её родителей и рода Кольчинских. В тот кровавый год в семье Кольчинских – Александра и Раисы – советского инженера и медсестры – родилась прелестная девочка, щедро одаренная музыкальными талантами, быть может, унаследованными от папы, мечтавшем о музыке всю свою жизнь, а может быть и от мамы – с её неизбывной тягой к красоте, светлым мелодиям и песням.

Эстафету угроз своей судьбе дочь А. Кольчинского приняла, даже не догадываясь об этом уже в первое десятилетие жизни. Лишь теперь мы знаем правду о тайнах большой войны 1941-1945 годов и цену Победы. Тогда же память девочки впитала тяжкую реальность эвакуации в Казань, голод, и трупы несчастных, замёрзших на заснеженных улицах города, грохот взрывов, горькие вдовьи слёзы близких, а еще и... бесконечные пассажи-упражнения, которые вели к овладению искусством игры на скрипке.

Камилла вспоминает: «Мама рассказывала мне, что около восьми месяцев от роду, я начала напевать какие-то мелодии. Я не умела еще ни ходить, ни говорить, а уже что-то

напевала». Помню общую кухню в коммуналке и себя на маминых руках. Моё внимание привлекли блестящие кастрюли. Заметила: когда кто-то из соседей накрывал их крышкой, раздавались приятные звуки. Немного подросла и... учудила! Вылила в свой горшок компот из кастрюли (мама хотела папу угостить!) начала стучать по горшку крышкой и тут же сделала открытие: звук изменился!»

...В завершившейся, наконец, долгой войне семье Александра Кольчинского удалось выжить, а необыкновенно талантливая дочь училась в Центральной музыкальной школе при Московской Консерватории: её исключительная одарённость была очевидна!

Неустанно трудясь, чтобы в совершенстве овладеть искусством игры на скрипке, Кима (Преданный большевик – Александр Кольчинский назвал дочь, следуя «политической моде» того времени – Коммунистический Интернационал Молодёжи) и её младшая сестра Таня долго не знали, что в ГУЛАГе уже гибли родные из большой семьи Кольчинских, а в оккупационной гитлеровской мясорубке в Виннице были загублены десятки родственников Кольчинских.

Потом начался политический шабаш по «искоренению космополитизма», за ним – «дело врачей». Только смерть тирана стала мигмом радостных надежд для Камиллы Кольчинской, и блестящее завершение Московской Государственной Консерватории, казалось бы, открыло путь к достижению давней мечты – учиться дирижёрскому искусству,

причём здесь же, в музыкальной Альма-матер, два отделения которой только что были окончены.

Между тем, История продолжала упрямо расставлять вехи, очерчивая контуры судьбы К. Кольчинской по привычным для советского государства политическим лекалам. К несчастью же обнаружались и недуги, по странности, сопутствовавшие и самой уникальной профессии – дирижёра: кастовость и всеильный мужской шовинизм! Он оказался не менее угрожающим для её судьбы, чем зараза политическая – государственный антисемитизм и спекуляции советских бюрократов от культуры, считавших, что в СССР должна быть только одна (!) женщина-дирижёр из крохотного осетинского анклава Вероника Дударова. Остальных – «не пущать!»

Отказ профессуры Московской Консерватории учить искусству дирижирования свою недавнюю и совершенно замечательную студентку Камилла пережила. Решила ехать в Ленинград – в тамошней Консерватории профессура – ничуть не хуже московской. Хотя и там оказались живучими такие же стереотипы. Но их удаётся как-то обойти. Выходом из тупика было поступление на заочное отделение дирижёрского факультета. Удалось главное – возможность учиться у выдающихся мастеров, пусть скрепя сердце, но всё же согласившихся уступить юной очаровательной девушке с замечательной одаренностью, крепким характером, обширным музыкальным образованием и виртуозной игрой на скрипке.

Неожиданная угроза всем планам и мечтам пришла из недр собственного организма, смертельно уставшего от

бесконечной гонки за совершенствованием игры на скрипке, старательном и неутомимом наполнении разума знаниями теории музыки и от сжигавшей душу страсти по обретению профессии дирижёра. Она нуждалась в отдыхе. Требовалась передышка в изнурявшей лепке собственной судьбы, переполненной любовью к музыке. Даже естественные страсти молодости отступали перед неумолимым желанием двигаться к творческому самосознанию личности. В наступившем кризисе здоровья победила сила духа Камиллы Кольчинской.

«Учась на заочном отделении Ленинградской Консерватории, я решила поехать за опытом в какой-нибудь оркестр, одновременно понаблюдать за работой дирижёра. Случай подвернулся: симфоническому оркестру Днепропетровской филармонии требовался скрипач. Сезоны 1958-59 годов работаю в группе первых скрипок. Чувствую – решение правильное – есть чему поучиться. И тут на моё счастье в местном музыкальном училище открывается вакансия дирижёра для студенческого оркестра».

То, что трудно и непросто было сходу справиться с оркестрантами, многие из которых были старше Камиллы, все ребята – уже отслужили в армии, вспоминается с улыбкой лишь теперь. Тогда же победил профессионализм, уникальная музыкальность и... её абсолютный слух! Кстати, все было в этой работе с оркестрантами, как у того же Роберто Бенци: «...а вы взяли неправильную ноту!». Вот что впечатлило заносчивых юношей, которые присмирели, глядя с недоумением и невольным уважением на умелую и такую чуткую на фальшивые звуки «дирижершу»...

...Класс дирижирования в Ленинградской Консерватории вёл знаменитый И.А.Мусин. Достаточно сказать, что этот выдающийся педагог воспитал дирижёров, теперь всемирно известных: Ю. Темирканова и В. Гергиева, рядом с которыми уже по праву стоит и К. Кольчинская. Её творческая биография обогащается первыми профессиональными успехами под крышей консерватории, к тому же, казалось бы, шестидесятые годы «оттепели» обещают беспрепятственный расцвет её творчества. «Я стала выступать, как дирижёр в концертах с симфоническим оркестром консерватории. Там же, в оперной студии, дирижировала музыкой мною же подготовленных оперных постановок: «Фауст» – Ш. Гуно; «Русалка» – А.Даргомыжского; «Кармен» – Жоржа Бизе и др.

Наступившая осень 1964 года стала в творческой биографии дирижёра Камиллы Кольчинской знаковой. Успешно завершена учёба в Ленинградской Консерватории – получен диплом дирижёра симфонического оркестра. Тогда же был объявлен конкурс на место ассистента дирижёра в Большом Театре Союза СССР. Право участия оспаривает 31 человек. «Я – тридцать вторая... Даже не верится, что мне всё-таки удалось «втиснуться» в очередь. Причина нежелания посмотреть мои возможности и допустить к конкурсу на законных основаниях одна: я – ЖЕНЩИНА!». Тем более её успех оказался ошеломляющим: приняли! Победа и новый виток дирижёрской практики. «Я посещаю репетиции, спевки, балетные занятия, дирижирую концертами во Дворце съездов в Кремле и заканчиваю оперой Ж.Массне – «Вертер» и балетом «Цветик-Семицветик» эту напряженнейшую стажировку».

В 1967 году К. Кольчинская принимает участие во II Всесоюзном конкурсе молодых дирижёров, получив диплом и Почётную Грамоту. По сути, это было еще одно весомое подтверждение мастерства, и наверняка лавры были бы куда более весомыми, если бы не старые «болезни» – мужской шовинизм в странном союзе с антисемитизмом...

Выиграв в 1969 году конкурс дирижёров и став Главным дирижёром Ярославского Симфонического оркестра, Камилла начинает полноценную, каждодневную профессиональную работу. «Быстро растёт репертуар, появляется плеяда блестящих солистов: Эмиль Гилельс, Белла Давидович, Леонид Коган, Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, Гидеон Кремер, Наталья Гутман. Разработаны специальные абонементы, посвященные творчеству известнейших советских композиторов: Д.Шостаковича, Т.Хренникова. Из Чехословакии приехал в Ярославль чешский композитор и пианист Йозеф Паленичек... В те же годы её сильно впечатлили мастер-классы немецкого дирижёра Герберта фон Карояна и французского педагога и дирижёра с русскими корнями Игоря Маркевича».

В 1972 году, когда Камилла приехала на гастроли в Сибирь с Ярославским симфоническим оркестром, которым она дирижировала, неожиданно напомнили о себе мрачные вехи Истории СССР, по времени совпавшие с биографиями родни Кольчинских, ставшими жертвами репрессий. Она нашла место, где был лагерь (осколок ГУЛАГа), в котором от голода и болезней погиб её родной дядя. Едва пережив потрясение от увиденного, она получает телеграмму о смерти отца. «...Это

было жутким потрясением! Ушёл самый дорогой, бесконечно любимый и духовно близкий мне человек... Наверное, ему я обязана дарованным мне талантом музыканта и твёрдостью убеждений...». Душило горе, но у профессии музыканта свои законы: вечером – концерт. Она дирижирует IV симфонией Чайковского...

Я сейчас прослушал её... Полностью... А теперь представьте женщину, которая еще не оправилась от тягостных впечатлений после посещения развалин лагеря, где канул в безвестность в самом начале войны её оклеветанный, убитый голодом и болезнями родственник. Она ступает на дирижёрский подиум. Стоит перед оркестром. Душа переполнена горем утраты. Ком в горле...

Первые же звуки вступительной части симфонии, которые оркестр обращает к чувствам и ко вниманию замершим в зале слушателям, буквально разрывают сердце дирижёра грозным... властным... повелительным вступлением.

Сам композитор писал почти сто лет назад: «...Со звуками вступления нам является ...роковая сила, которая мешает порыву счастья дойти до цели. Эта сила, как Дамоклов меч, висит над головой... отравляет душу... Она – непобедима и её никогда не осилишь...».

Камилла вспоминает: «...Мне потом говорили – в публике плакали... Я и сама не могла сдержать слёз...».

Смерть отца подвела черту в судьбе Камиллы, навсегда отделив прошлое от будущего. Утрата стала причиной новой болезни, справиться с которой помог только характер, преданность музыке и профессии.

Хотя потом и было дирижирование самодеятельным оркестром московского Дома ученых (это при её-то уникальном образовании и опыте дирижирования профессиональными оркестрами!), концерты в Казани, Свердловске, Хабаровске, выступления с Государственным оркестром Союза ССР в столице страны, Симфоническим оркестром Московской филармонии.

Между тем, впереди Камиллу ждала постылая провинциальная безысходность! Чиновники всевозможных «музыкально-культурных институций» нагло скрывали приглашения зарубежных оркестров, из «соцлагеря», отправляя вместо К. Кольчинской номенклатурную Веронику Дударову, чья биография была «сконструирована» по лекалам Агитпропа, а профессиональная деятельность заботливо опекалась партийными структурами и государственными культурными учреждениями, лишь озабоченными политической саморекламой. «...Я фактически оказалась не выездной... Причина – всё та же...».

Царило кондовое хамство, обман надежд, наглость чиновничьей рати, усвоившей, по-видимому, уже навсегда: дирижёр – еврейка, «отягощенная» еще и тем, что она – женщина, должна знать «своё место»!

«...Не задолго до смерти, уже отчётливо понимая приближавшуюся агонию политической системы, самого советского государства, отец настойчиво советовал мне подумать об эмиграции. И я решилась!».

((Окончание следует)